

5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
7. Зубкова Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М., 1999/2003.
8. Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. – М., 1998.
9. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. – М., 1985.
10. Потебня А. А. История русского языка // Потебнянські читання. – К., 1981.
11. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.
12. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. – М., 1968.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
14. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
15. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
16. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
17. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. – Л., 1958.
18. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Иваненко Г. С.

СМЫСЛ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНФЛИКТА¹

Разграничение категорий «значение» и «смысл» оказывается практически значимым при судебном разрешении информационного конфликта в лингвистической экспертизе. Что должен выявлять лингвист? Какие факторы при этом учитывать? Значение, смысл, суждение, сообщение, высказывание.

К судебному разрешению информационного конфликта, как правило связанного с умалением чести, достоинства, деловой репутации, в целях объективации судопроизводства привлекается лингвист.

Материалом анализа в ходе лингвистической экспертизы является конфликтный текст, содержащий какую-либо информацию об истце. В судебном разбирательстве нередко недифференцированно используются для обозначения объекта исследования понятия **высказывание, сообщение, суждение, информация**. Определим эти понятия.

Высказывание в лингвистике – наименьшая единица речи, семантически и грамматически целостная, самостоятельная и законченная. В современной лингвистике высказывание, в отличие от предложения – структурно-семантической категории, понимается как категория коммуникативная, отражающая прагматическую направленность речевого акта. В интересующем же нас контексте синонимами можно считать понятия **фраза, выражение**. Однако для юрислингвистического исследования целостность, самостоятельность и законченность этих языковых единиц весьма относительны. В некоторых случаях объектом исследования может быть и отдельное высказывание, так, обычно этого материала бывает вполне достаточно при разрешении вопроса об оскорблении, которое, как правило, выражается даже меньшей языковой единицей – словом или фразеологизмом. Для выявления же порочащих сведений одного предложения (фразы, выражения, высказывания) бывает обычно недостаточно. Вне более широкого контекста нельзя однозначно ответить ни на один из принципиально важных вопросов: 1) относится ли высказывание к истцу? 2) какой конкретно смысл оно выражает во взаимодействии с другими высказываниями? 3) сообщение это о событии или мнение автора, оценка?

Так, предложение «*В этот день он капитально принял на грудь*» означает лишь, что истец принял алкоголь и был пьян. В контексте же статьи это высказывание приобретает более глубокий смысл, именуемый для истца гораздо более значимые последствия. В тексте сообщается, что истец – вице-губернатор, и в описанный день должен был встречать президента, но по обозначенной причине не смог этого сделать, и его функции выполнял другой человек. Очевидно, что такие сведения представляют истца как человека, пренебрегающего своими служебными обязанностями, не справляющегося с требованиями, предъявляемыми к столь высокой должности. Приведенный пример доказывает, что лингвисту-эксперту для анализа должно предоставляться не отдельное высказывание (предложение, фраза, выражение), а весь конфликтный текст.

Комплекс **высказываний** формирует **информацию**, или **сведения**. Общеязыковое значение слова «информация»: 1) сообщение о чем-либо; 2) сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи.

Анализ и синтез всех лингвистических элементов текста позволяет определить сущность воспринятой реципиентами информации. Событийная информация представляет собой **сообщение**. Информация же из разряда мнений и оценок является **суждением**. Результатом лингвистического анализа является выявленный **смысл** текста. Конечно, не все аспекты смысла, а только имеющие отношение к судебному разбирательству.

Таким образом, понятия **высказывание, фраза, выражение** соотносятся с понятиями **информация, сообщение, суждение, смысл, значение** как общеметодологические сущности формы и содержания. Первые являются средством выражения вторых. Первые являются материалом анализа, вторые – его результатом.

В свою очередь **сообщение** и **суждение** противопоставлены как реализации диаметрально противоположных в процессах о защите чести, достоинства и деловой репутации категорий событийности и оценочности. Мнения, оценки, выраженные в определенных **суждениях**, не подлежат проверке в силу своей субъективности и потому априори не могут быть признаны порочащими. Событийная информация (фактуальная) выражена **сообщениями** о конкретных поступках лица, осуществленных в определенном месте в определенное время, может быть проверена на предмет соответствия действительности и в случае недоказанности признана порочащей.

Понятия **смысл** и **значение** противопостоят всем остальным рассматриваемым понятиям как надязыковые сущности языковым. Значение, по А. Н. Леонтьеву [2], – это то, что открывается в предмете и явлении объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. Личностный смысл – это переживание субъективной

значимости предмета, действия или события, оказавшегося в поле действия ведущего мотива. По словам В. П. Белянина, «это одна из главных образующих сознания, осознаваемая как «значение для меня» [1, с. 104].

Некоторые лингвисты считают это противопоставление упрощенным, поскольку значения также подвержены широкому варьированию – «по линии коллективного и индивидуального, узуального и окказионального, нормативного и аномального, языкового и речевого, внеконтекстуального и контекстуального» [3, с. 39]. Согласимся со мнением В. И. Шаховского и В. И. Карасика, что «соотношение значения и смысла не противоречит концепции диалектического единства стабильной и вариативной части значения» [5, с. 115-117].

Когда мы говорим об отдельной языковой единице, мы можем для дифференциации инвариантного и индивидуального употреблять дифференцирующие понятия *значение* и *смысл*. Применительно же к тексту как сложному единству вообще неприменимо понятие «значение», относимое к отдельной языковой единице и характеризующееся, при всей возможной многокомпонентности, одноплановостью, цельностью. Применительно к тексту можно говорить только о смысле, очевидно, не совсем о том «личностном смысле» Белянина, а о смысле как содержательной квинтэссенции, выводимой из взаимодействия множественных значений, носителями языка

Смысл текста – это основанное на языковых законах типовое понимание носителями языка информации, заложенной в тексте.

Конечный итог анализа языковых элементов – выявление их **значений**, в комплексе с пресуппозитивными знаниями формирующих **смысл** информации. Это положение имеет принципиальный характер, поскольку на настоящий момент преобладает практика рассмотрения в процессах, объектом профессионального рассмотрения в которых является текст, формальной структуры текста, а не его смысла. Но лингвистическая экспертиза и преследует цель вывести из совокупности высказываний сущность информации, воспринятой читателями (слушателями), то есть смысл. Прямо выраженный смысл очевиден и без лингвиста. Задача филолога – специальными лингвистическими методами определить типовое восприятие текста и убедительно доказать, что заданный комплекс языковых элементов, с учетом композиции, графических изображений, сопровождающих текст, пресуппозитивных знаний реципиентов определяет именно такой, а не иной смысл. В делах об опорочении истца интересует не формальное наличие или отсутствие какой-либо фразы, а ее реальный смысл, воспринятый массовым читателем. Такой смысл часто содержится в подтексте. К сожалению, лингвисту – эксперту нередко задают вопрос: «Содержится ли в тексте высказывание о том, что...» Лингвист вынужден ответить, что такое высказывание в тексте отсутствует. Приведенная постановка вопроса не способствует объективации судопроизводства, так как усмотренный истцом смысл действительно был воспринят читателями.

Для демонстрации высказанного положения приведем пример текста, смысл которого выражен не прямо, а подтекстом. Ответчики отрицают наличие порочащего смысла.

«Вот и растрезвонили близкие к Головлеву и примкнувшему к нему депутату Юревичу СМИ о том, что Галкина недавно даже избили якобы по политическим мотивам. Знающие люди лишь усмеваются и пытаются угадать: сколько долларов заплатили Герману за пару синяков? Вся эта шумиха, думается, рассчитана на людей с некритическим мышлением ...»

Текст формирует у читателя представление, что избивание Г. Галкина было фиктивным, намеренно спланированным и оплаченным. Такой смысл создается следующими средствами. Во-первых, слово «растрезвонить» имеет значение «широко разгласить какие-либо слухи, сплетни». Во-вторых, частица «якобы» выражает неверие автора в правдивость информации, содержащейся в придаточном предложении. В-третьих, используя отсылку к «знающим людям», автор самим характеризующим прилагательным «знающие» выражает мысль о том, что оплаченность избивания очевидна. В-четвертых, слово «шумиха» имеет значение «разговоры о чем-то несерьезном». Всеми перечисленными средствами автор выражает полную и абсолютную уверенность в том, что избивание спланировано, оплачено и проявилось в «паре синяков». Уверенность эта передается и читателю.

Оплата собственного избивания в имиджевых целях в глазах читателей негативно характеризует истца, формирует негативное отношение к нему. Г. Галкин в исковом заявлении отрицает соответствие распространенных сведений действительности.

В приведенном отрезке текста выражен вполне конкретный смысл, который либо соответствует, либо не соответствует действительности: «Г. Галкин заплатил за пару синяков сколько-то долларов». Вопросительная форма предложения, которую многие журналисты считают средством ухода от ответственности за содержание высказывания, в анализируемом предложении с автора текста ответственности за соответствие суждения действительности не снимает. В вопросительном предложении присутствует тема и рема. В анализируемом предложении: «...сколько долларов заплатили Герману за пару синяков?» утверждается, что Г. Галкину заплатили за «пару синяков» и спрашивается, сколько. Никакие языковые средства не указывают на предположение, автор преподносит сообщение как имеющее место в действительности. Сообщение это событийно и позорит честь истца в глазах окружающих, а потому должно быть проверено на предмет соответствия действительности и в случае недоказанности признано порочащим и опровергнуто.

Смысл текста могут формировать не только вербальные, но и невербальные средства, в комплексе оформляющие публицистический материал. Так, в период предвыборной кампании реклама одного кандидата содержала антирекламу другого, притом выражаемый ею смысл наносил явный ущерб чести, достоинству объекта изображения. Притом авторы материала использовали приемы ухода от судебного разбирательства, основанные на сложившейся практике опровержения не смысла текста, а конкретных фраз. Опишем содержание антирекламного ролика. Показывается достаточно узнаваемая нижняя часть лица депутата, затем полураздетая женщина легкого поведения с хлыстом, а затем для особо непонятливых пакет с мукой «Макфа». Пресуппозитивные знания всех жителей Челябинской области позволяют связать продукцию «Макфы» с первым хлебокомбинатом и ее руководителем. Комментирующий текст довольно нейтрален, но включенное в видеоряд изображение проститутки совершенно очевидно отнесено к личности депутата М. Юревича. В другом

материале используется тот же прием – демонстрация упаковки муки, половина лица, но сопровождающий текст уже не так безобиден: «Не позволим сифилитикам управлять нами! Поймаем их и заставим сдать анализы на СПИД!»

Формальный подход к тексту не позволил бы идентифицировать реальный смысл воспринятой читателями информации. В связи с понятием «**смысл**» нельзя не коснуться понятия «**восприятие**». Существует мнение, что «Восприятие направленности текста – понимание текста (передачи) читателями (зрителями). Восприятие не может быть предметом лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, так как спорным в таких разбирательствах является текст, а не его восприятие»[4, с. 24].

Приведенные утверждения представляются неубедительными. Полагаем, что спорным в делах о защите чести и достоинства является именно восприятие, а не текст. Что отстаивает истец в суде? Что стало причиной искового заявления? Собственное восприятие текста лицом, усмотревшим ущемление своих неимущественных прав, вызванное распространением порочащей его в глазах общественности информации. Действительно ли текст вызвал реакцию, предполагаемую истцом? Возможно ли такое восприятие текста, которое позорит истца, умаляет его репутацию? Или такое восприятие субъективно и по объективным языковым законам типовое понимание текста должно быть иным? Эти вопросы интересуют суд, и именно на эти вопросы по сути должна отвечать лингвистическая экспертиза. Именно разработкой методик декодировки текста, выведением обобщенных законов восприятия и занимаются все коммуникативные направления лингвистики: стилистика, лингвопрагматика, лингвокогнитология, коммуникативный синтаксис.

Текст же не может быть спорным, он объективно существует как данность. Спорным является именно его восприятие. Стороны в суде оспаривают значение каких-либо языковых единиц, заложенный в тексте смысл. Текст – это **объект** анализа. Предметом же анализа является выражаемое всем комплексом языковых элементов инвариантный **смысл** и соответствующее ему типовое восприятие текста.

При рассмотрении информационного конфликта следует допускать возможность несовпадения интенции говорящего и восприятия объекта высказывания. При возникновении такого несовпадения, вернее, при заявлении (отражающем или не отражающем истинное намерение) ответчиком о несовпадении сообщенного и воспринятого, у анализирующего текст лингвиста возникает проблема, по сути базирующаяся на проблеме соотношения значения и смысла. Значение – постоянная часть содержания знаков – реализуется в различных смыслах – достояниях индивидов, в личностных категориях. Так что же должен выявлять лингвист в своем анализе: инвариантное значение или возможный смысл? При разрешении этого вопроса допускаются две крайности.

Одна крайность – прочтение и интерпретация текста, основанные исключительно на субъективном восприятии униженного и оскорбленного, абсолютизация личностного смысла без учета каких-либо объективных приемов декодировки текста, позволяющих выявить и его значение, и, соответственно, константную часть воспринимаемой основной массой реципиентов информации. В этом случае происходит абсолютизация субъективно выявленного смысла, последствия чего в полной мере ощущает на себе ответчик.

Другая крайность – непризнание правовой системой возможности неоднозначного восприятия текста, обусловленного его объективной амфиболией (двузначностью) – результатом случайного или намеренного со стороны авторов текста отсутствия необходимых конкретизаторов. При возможности (вероятной или преобладающей) восприятия реципиентами речи смысла, порочащего чью-либо репутацию, нематериальные права, интересы этого лица должны быть защищены либо опровержением, либо разъяснением.

Источники и литература

1. Белянин В. П. Психолингвистика / В. П. Белянин. – М., 2003.
2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М., 1997.
3. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988.
4. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004.
5. Шаховский В. И. Критика и библиография. М. В. Никитин. Основы лингвистической теории значения / В. И. Шаховский, В. И. Карасик // Филологические науки. – 1990. – № 2. – С. 115-117.

Примечание

Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 05-03-85310 а/У.

Иванова К. А.

ЖИЛОЙ ДОМ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ И КОММУНИКАТИВНЫХ ОБРАЗЦОВ

Важным элементом невербального общения является жилой дом как существенный элемент окружающей среды. Устройство дома, порядки в нем демонстрируют ценностные ориентации жильцов, их статусно-ролевые позиции.

Сегодня, когда увеличилось количество бездомных людей, особую остроту приобретает вопрос: какую роль играет дом в развитии внутреннего мира человека, как он влияет на его систему ценностей и на возможности его общения с другими людьми. Символика дома влияет на процессы общения, в том числе на кросс-культурное общение.

Рассмотрению этой проблемы посвящена работа Джона Кондона и Фати Юсефа «Дом и домашний стиль в различных культурах и его влияние на систему ценностей и коммуникативные образцы» [1, р.75-113], которая имеет методологическое значение для исследования системы ценностей представителей различных национальностей и их мироощущения в условиях межкультурной коммуникации. Дом, его убранство, атмосфера в семье – все это оказывает формирующее влияние на внутренний мир человека, на стиль его поведения, а также на формы и продуктивность общения.